

*Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного образования детей
ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ ЦЕНТР*

XV городской конкурс художественного слова,

*Сборник произведений
юных авторов литературных произведений*

выпуск № 5

"Великой Победы страницы"

**Северодвинск
2014**

Русецкая Мария, 15 лет

МАОУ «Ягринская гимназия»

Педагог: Лещик Светлана Владимировна, учитель русского языка и литературы

ПЕРЕИГРОВКА

(ОТРЫВОК)

Во дворе снова раздался шум мотора. Я с ужасом подошла к грузовикам, но пленных оттуда не выводили. Заглянув в кузов, я увидела какие-то небрежно сколоченные деревянные ящики и с облегчением вздохнула. Проходившая мимо гауптштурмфюрер приказала мне залезать в кабину, а сама направилась отдавать приказы какому-то офицеру.

Через несколько часов мы были в полусожжённой деревне. Видимо, для немцев это был всего-навсего перевалочный пункт – останавливаться надолго они не собирались. Я стояла рядом с пепелищем, которое некогда было уютной избушкой. Теперь же это - обгоревшее строение, в котором угадывались черты дома. Я опустила взгляд и наткнулась на пожелтевшие страницы. За время, проведённое в немецком штабе, мне начало казаться, что я и впрямь забываю русский язык и поэтому, увидев обгоревшую книжонку, глаза с жадностью забежали по строчкам.

Сзади раздался грохот – солдаты уронили один из ящиков и теперь неуклюже его поднимали. Гауптштурмфюрер, недовольно прикрикнув на них, продолжила слушать отчёт командира лагеря. Я, скрипнув зубами, обвела взглядом деревеньку. Когда-то здесь жили, работали, любили обыкновенные люди, а теперь никого не осталось в живых. Это до странности напоминало то, как фрицы обошлись и с моей деревней. Рука непроизвольно потянулась к кобуре на поясе, однако я вовремя одёрнула себя: «Нет, ты не

должна поддаваться злости. Она мешает, выдаёт тебя». Я глубоко вздохнула и опустила руку.

Где-то в лесу раздался выстрел, немецкий солдат, безуспешно пытающийся поднять ящик, повалился на землю – на груди у него расплывалось тёмное пятно. Солдаты и офицеры, подхватив оружие, бросились в укрытия, из леса снова донеслись выстрелы. Я слышала, как рядом что-то крикнул младший офицер, сзади раздался хруст ветки. Стоп. Хруст ветки? Я стремительно обернулась – передо мной стоял немолодой уже мужчина, целящийся в меня из винтовки. Я зажмурилась, понимая, что не успею достать пистолет из кобуры, ничего уже не успею... Раздался выстрел. Я открыла глаза – партизан падает на траву, в нескольких метрах от нас стоит Штель с извечным «Люгером» в руке. Она кивает мне и скрывается за грузовиком. Я обвожу глазами поляну, стараясь унять частое сердцебиение. Мгновенно оцениваю ситуацию: русские приходят с востока, значит, мне надо двигаться к танку, стоящему на северо-западном конце лагеря. Я перебежками двинулась к «Тигру», на ходу подобрав винтовку с оптическим прицелом убитого немца. Прижавшись к холодной стальной поверхности танка, лихорадочно ищу в прицел гауптштурмфюрера – если она погибнет, я уже не смогу выполнить задание. Облегчённо выдыхаю, когда вижу её за грузовиком – она так и не поменяла своего положения и продолжает отстреливаться от партизан. Больно видеть это, но она, как немецкий офицер, и должна это делать. Сердце защемило – тяжело, слишком тяжело видеть гибель своих товарищей и не иметь возможности им помочь. К танку, пригибаясь, подбегают ещё двое немецких солдат, и тоже продолжают стрелять, прикрывая меня. Снова перевожу взгляд на девушку и застываю, заметив блик в кустах, метрах в ста от неё. «Снайпер» - проносится мысль. Я мокрыми ладонками сжимаю винтовку и отыскиваю солдата, перезаряжающего оружие. Он целится прямо в... Штель? Время для меня словно останавливается. Я понимаю, что не могу убить русского, но и смерть гауптштурмфюрера недопустима – если она погибнет, задание провалено. И тогда... Тогда погибнет ещё больше людей. «Только я и могу её защитить». В горле пересыхает. Снайпер

опускает палец на спусковой крючок, и я стреляю одновременно с ним. Не смотрю на него, зная, что попала в цель, и лихорадочно перевожу взгляд на офицера – пуля проскользнула в нескольких сантиметрах от неё, печально звякнув о металл грузовика. Она переводит взгляд на меня, и я слабо киваю, дрожащие руки опускаются. Немцы теснят партизан – силы с самого начала были неравны, советские солдаты выжидали момента, чтобы застать их, нет, нас врасплох, но куда им против такого количества врагов?

Прислонившись затылком к броне «Тигра», пытаюсь осознать события, произошедшие только что.

«Меня чуть не застрелили».

«Я убила своего товарища, спасая фашиста».

Произошедшее непосильным грузом давит на меня. Я уже не знаю, ни кто я, ни почему всё это делаю. Зло и добро стали понятиями до странности расплывчатыми. Казалось, что я уже и не знала, где друзья, а где враги.

Всё кончено. Нападавшие либо убиты, либо взяты в плен. Вспоминаю недавние пытки пленных солдат в том страшном подвале и понимаю, что партизан ждёт та же участь. Выхожу из-за танка и направляюсь к Штель, которая холодно отдаёт приказ об отправке в концлагерь оставшихся в живых партизан и стреляет в одного из пленников, рванувшегося было в сторону. Из-за неё я убила своего товарища, русского солдата, отстаивающего свою Родину. На душе стало пусто и тоскливо. Она подошла ко мне, и я, беззвучно всхлипывая, уткнулась лбом ей в грудь. Она несколько секунд озадаченно смотрела куда-то вдаль, но потом горько вздохнула и приобняла меня. Мне было всё равно, что я показываю слабость перед врагом. Всё казалось таким туманным. Я закрыла глаза, по щеке скатилась слеза.

Всё стало слишком сложно.

***

Мы проезжали мимо другого лагеря и остановились там, чтобы отдать остатки снаряжения немецким частям. Я понимала, что должна ненавидеть тех, кто вторгся на мою Родину и уродовал её свинцом и бессмысленными смертями, но что-то изменилось после того боя в деревне. Я видела, что раненые немцы страдают так же,

как и наши. Прислушиваясь к разговорам рядовых, измождённые лица которых были покрыты пылью, понимала: многие уже не хотят сражаться, они мечтают поскорее вернуться домой и обнять своих родных, прошептав: «Я жив». Но сделать это они смогут только после победы, и никак иначе.

Я шла за Штель как в полусне. Со всех сторон раздавались выстрелы и стоны умирающих. Гауптштурмфюрер шла, не пригибаясь, даже когда в нескольких миллиметрах от её головы просвистела пуля, на её лице не дрогнул ни один мускул. Я с бессильной злобой понимала, что не смогу

ничего сделать сейчас. Если тогда, в немецком лагере, я, пусть и душевно терзаясь, могла уберечь её от смерти, то что я могла сделать сейчас? Она словно не боялась гибели и была готова в любой момент спокойно и с достоинством принять её.

Внезапно она останавливается и объясняет офицеру, сколько снарядов мы привезли и какие они. Я опускаю голову и встречаюсь взглядом с худеньким бледным юношей. Обе его ноги оторваны и перетянуты жгутами. Он шепчет что-то, мотая головой, и я опускаюсь рядом с ним. Достая фляжку и подношу к губам молодого человека. Он припадает к ней и делает несколько глотков.

- Ничего не бойся, - хочется добавить что-то ещё, но его взгляд останавливается. Всклипнув, закрываю его веки и, отстранившись, медленно поднимаюсь. Штель молчаливо наблюдает за мной и, наконец, говорит:

- У тебя доброе сердце. Ты облегчила его страдания. Немного, но всё же.

Её взгляд смягчается и словно теплеет. Пустыми глазами смотрю на погибшего и, вытерев рукавом глаза, иду за ней.

Тарасова Анна, 16 лет

МБОУДОД ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ ЦЕНТР

Педагог: Масленникова Лариса Николаевна, педагог
дополнительного образования